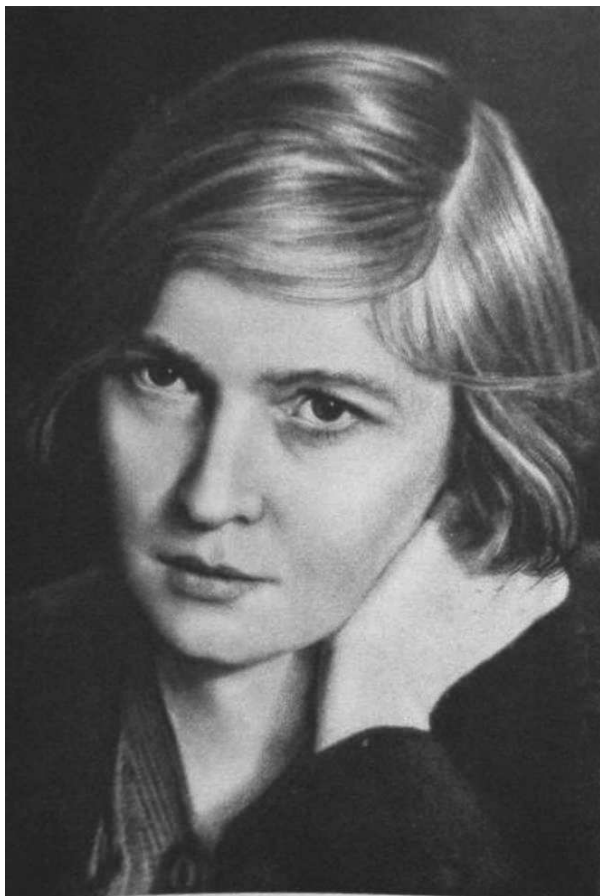

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БЕРГГОЛЬЦ ОЛЬГА

1910-1975

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

Ольга Берггольц

Говорит Ленинград
Стихотворения

ФТМ

Москва, 2018

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
Б48

Берггольц, О.

Б48 Говорит Ленинград. Стихотворения / О. Берггольц. - М. : Т8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. - 320 с. - (Легендарные книги литагентства ФТМ).

ISBN 978-5-519-62599-9

Книга русской поэтессы и журналистки Ольги Берггольц «Говорит Ленинград» о жизни блокадного Ленинграда рассказывает о работе радио в годы Великой Отечественной войны. Что значило радио для жителей блокадного Ленинграда? Ольга Берггольц вспоминала: «На улицах Ленинграда люди уже падали с ног от голода... Один район за другим погружался во тьму, подобную полярной ночи, иссякала энергия, уходил из города свет, замирало движение. И сплошь и рядом оказывалось, что у ослабевшего, полумёртвого ленинградца существует только одна форма связи с внешним миром, это — «тарелка» радио. Отсюда, из этого чёрного круга на стене, доходили до человека людские голоса... Даже если радио не говорило, а только стучал метроном — и это означало, что город жив, что его сердце бьётся...».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-62599-9

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,
2018
© Текст. О. Берггольц,
наследники, 2018

Об этой книге

В одну из очень холодных январских ночей сорок второго года — кажется на третий день после того, как радио перестало работать почти во всех районах Ленинграда, — в радиокomitee, в общежитии литературного отдела была задумана книга «Говорит Ленинград».

Был даже составлен ее план. Тогдашний художественный руководитель радиокomitee Я. Л. Бабушкин, редактор литературного отдела Г. Макогоненко и я трудились над планом почти до утра, возле единственной, в четверть накала горевшей лампы, прикрытой газетным кульком.

За окном в ледяной крошечной тьме назойливо грохотали взрывы; в большой продолговатой комнате на раскладушках, на сдвинутых креслах, на диванах, устроенных вдоль стен (отчего комната походила на огромный вагон), тяжело, со стонами, с глухим бормотаньем, в пальто, валенках и варежках спали сотрудники отдела — все отечные или высохшие; один из них, журналист Правдич, не вздыхал и не бормотал: наверное, он был уже мертв. Утром мы обнаружили, что это так и есть.

Эта ночь — 10 января 1942 года — была для меня, как и для моих собеседников, одной из самых счастливых и вдохновенных ночей в жизни. Она была такой потому, что, начав размышлять о книге «Говорит Ленинград», мы неожиданно для себя впервые с начала войны оглянулись на путь, пройденный городом, его

людьми, его искусством (нашим радиокомитетом в том числе), и изумились этому страшному и блистательному пути, и оттого буквально физически, с ознобом восторга, ощутили, что, несмотря на весь ужас сегодняшнего дня, не может не прийти то хорошее, естественное, умное человеческое существование, которое именуется «миром», и нам показалось, что и победа, и мир придут очень скоро — ну, просто на днях!

Поэтому мы, голодные и слабые, были горды и счастливы и ощущали чудотворный прилив сил.

— А ведь все-таки, наверно, доживем, а? — воскликнул Яша Бабушкин. — Знаете, дико хочется дожить и посмотреть, как все это будет? Верно?

Он смущенно засмеялся, быстро взглянул на нас, блестя большими светлыми глазами, и во взгляде его была такая нетерпеливая, жадная просьба, что мы поспешно проговорили:

— Конечно, доживем, Яша, обязательно! Все доживем!

А мы отчетливо видели, что он очень плох, почти «не в форме». Он давно отек, позеленел, уже с трудом поднимался по лестнице; он очень мало спал и очень много работал, и, главное, — мы понимали, что изменить это невозможно (он тащил на себе столько работы и столько людей, один оркестр чего стоил!), мы знали, что он не умеет и не будет беречь себя, что мы лишены возможности хоть чем-нибудь помочь ему, и, наверно, потому мы поспешили ответить, что доживем, доживем, все доживем.

Он счастливо улыбнулся, помолчал, как бы прислу-

шиваясь к ответу, и медленно опустил веки. Они были воспаленные, темные, тяжелые. И, как всегда, когда Бабушкин закрывал глаза, мальчишеское лицо его сразу постарело, стало измученным и необратимо больным. Мы только переглянулись, а он вдруг, не открывая глаз, медленно, тихо проговорил:

Вот он,
большелобый
тихий химик,
перед опытом наморщил лоб,
Книга —
«Вся земля» —
выискиваем имя.
Век двадцатый.
Воскресить кого б?

Потом помолчал и с нарастающей силой продолжил:

Маяковский вот... Поищем
ярче лица, — недостаточно
поэт красив. — Крикну я
вот с этой,
с нынешней страницы:
— Не листай страницы!
Воскреси!

— Мы включим в книгу «Говорит Ленинград» и передачи с его стихами, — с увлечением сказал Бабушкин, оживляясь, широко открывая глаза и вновь молодея. — Ведь они совершенно особо звучат в наших условиях!..

Конечно же, и его стихами говорит Ленинград.

В ту ночь мы набрасывали план книги, в которой должны были быть и стихи, и рассказы, и очерки, и сатира, и документы, и целые программы, передававшиеся по радио, и, главное, — выступления самих ленинградцев: солдат и матросов, рабочих и ученых, артистов и писателей.

Все это мы предполагали расположить хронологически, начиная с первых дней войны и кончая прорывом блокады, которая, как нам казалось в ту восторженную ночь, должна быть прорвана очень скоро. А прорыв блокады тогда почему-то сливался в нашем воображении с понятием полной победы. Но до прорыва блокады было еще больше года, до ее ликвидации — больше двух, а до победы — более трех лет... Но, веря в близкую Победу, не предугадывая того невероятного, бедственного, что нам придется вынести, мы не были тогда ни слепы, ни наивны, ни легкомысленны; повторяю, оглянувшись в ту ночь на краткий, столь трагический и все же по духу своему победоносный, мужественный путь нашего города, мы просто всей душой ощутили общенародную, а значит, и нашу, ленинградскую непобедимость. Вечная слава, вечное уважение мгновениям, подобным той ночи!

Нигде не значило радио так много, как в нашем городе во время войны.

В августе сорок первого года, когда последние пути, ведущие из Ленинграда в страну, были перерезаны и заняты немцами, когда кольцо блокады плотно сдавило город, радио было почти единственным средством

общения города со страной.

Прежде всего по радио узнавали ленинградцы, что делается на фронтах России, — газеты с Большой Земли уже с трудом доходили до нас, — только по радио узнавала Россия, что делается в Ленинграде. Она должна была знать о нем правду! Ведь немцы, бешено штурмуя город, ежедневно на весь мир кричали о том, что с минуты на минуту Ленинград будет взят; ведь в занятых уже районах Ленинградской области немецкие газеты печатали обширные извещения о «падении Ленинграда», помещали — разумеется, смонтированные — снимки: эсэсовец стоит на посту у Гостиного двора; ведь немецкое командование громогласно назначило сроки торжественного парада на Дворцовой площади и офицерского банкета в «Астории». У них ведь, как известно, даже билеты на этот банкет были приготовлены...

Вот в эти дни, ежедневно, в разные часы, чтоб не так уж мог забивать немец, по указанию Центрального Комитета Коммунистической партии Ленинград стал говорить со страной голосами своих защитников — рабочих, бойцов, партийных работников, матросов, поэтов, композиторов, ученых.

Москва принимала нас и транслировала по всему Советскому Союзу, и народ наш знал: вот и сегодня Ленинград не сдался, вот и сегодня он еще держится. Вспомните, что это было в дни отчаянного положения, когда немцы шли вперед неудержимо, когда ежедневно нашим армиям приходилось оставлять город за городом... И вдруг Ленинград остановил немцев! Ле-

нинград держался, Ленинград живыми голосами клялся, что не сдастся ни сегодня, ни завтра — никогда, и на другой день советские люди снова слышали его голос! Стоит. Дерется. Полон сил, уверенности, гнева и деловитости.

Эти передачи проводились, несмотря ни на какую обстановку внутри города, — был ли обстрел, была ли бомбежка, было ли то и другое вместе. Передачи происходили ежедневно и начинались словами: «Слушай нас, родная страна! Говорит город Ленина. Говорит Ленинград».

Композитор Дмитрий Шостакович выступал «на эфир» в передаче «Говорит Ленинград» в тот день, когда «Ленинградская правда» вышла с передовой под заглавием «Враг у ворот». «Над городом нависла непосредственная угроза вторжения подлого и злобного врага, — говорилось в передовой. — Ленинград стал фронтом». Об этом же говорили расклеенные на стенах города воззвания Военного совета — «Враг у ворот». Когда композитор ехал на машине в радиокомитет, началась воздушная тревога. Но страна, жадно ловившая голос Ленинграда, не знала, что Шостакович говорит под гул зенитных орудий и разрывы бомб.

К счастью, «накладки» не было, бомбы ложились не вблизи радиокомитета. Композитор говорил с большим внутренним волнением, голос его звучал чуть глуховато, но был четок и внешне спокоен.

— Час тому назад я закончил вторую часть своего нового симфонического произведения, — так начал свое слово Дмитрий Дмитриевич. — Если это сочине-